

арганізацыю дэрывацыйных элементаў слова ў адпаведнасці з унутранай логікай дэрывацыйнай сістэмы на пэўным этапе яе гістарычнага развіцця. Асноўныя прынцыпы словаўтваральнага аналізу (сістэмнасць, сінхранізм, адзінства структуры і семантыкі) у любым выпадку застаюцца інварыянтнымі, мяняецца ў некаторай ступені толькі іх рэалізацыя на своеасаблівым моўным матэрыяле, звязаная з неабходнасцю правядзення словаўтваральнай рэканструкцыі. Рэканструкцыя ў сваю чаргу абавязкова павінна апірацца на сістэмны характар слоўніка мовы і асноўныя заканамернасці яго функцыянавання. Пры такіх умовах забяспечваецца найбольшая адекватнасць вынікаў, змяншаецца доля суб'ектывізму ў ацэнках, а прынцыпы сінхроннага словаўтваральнага аналізу праўляюць максімальную эфектыўнасць.

¹ Гістарычная лексікалогія беларускай мовы.— Мінск, 1970, с. 235.

² Гл.: McMillin A. B. The Vocabulary of the Byelorussian Literary Language in the Nineteenth Century.— London, 1973.

³ Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на *-нве, -тве* в русских говорах.— Труды ин-та языкознания АН СССР. М., 1957, т. VII, с. 300.

⁴ Князькова Г. П. О диалектной лексике в русском языке XVIII века (К постановке вопроса).— У кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.— Л., 1966, с. 145.

⁵ Гл.: Герд А. С. Морфемный и словообразовательный анализ диалектного слова.— XIX Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1966, с. 45—46.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ XVI—XVII ВЕКОВ

Начальные фонетические представления формируются в связи с осмыслением феномена письма. Взаимоотношения звуков и начертаний были по-разному осмыслены в различных лингвистических традициях. Древние греки и римляне отнюдь не смешивали букву и звук. Так, Дио-

ген Вавилонский писал о термине στοιχεῖον ('элемент, буква'), что у него «тройкий смысл: элемент, начертание элемента и его имя, например, «альфа»¹. Позже в Риме на разграничении буквы и звука настаивал Присциан. Соответствие древнегреческого алфавита системе фонем было близко к одно-однозначному, поэтому греки понимали взаимоотношения буквы и звука как достаточно простые. Они изучали преимущественно звуки. Их классификации адекватны объекту, но не так подробны, как, например, в арабской традиции.

Как известно, в арабской письменности гласные не отражаются на письме, поэтому написанное слово можно прочитать по-разному. Между тем в мусульманском богослужении Коран до сих пор используется только в оригинале, при этом каноничности произношения придается сакральный смысл. Возникла необходимость тщательного и всестороннего описания звучащей речи. Уже в VIII веке арабские фонетисты добились выдающихся результатов. Достаточно сказать, что они различали 16 групп согласных по месту артикуляции; в деталях описали работу языка, губ, полости рта, носа в произнесении каждого звука; знали, что, например, [г] — вибрант «с повторами», а [л] — латеральный и т. д.². Арабы создали исчерпывающе полные классификации комбинаторных изменений звуков; систематизировали варианты звукотипов (назвав их «ответвлениями»), в чем исследователи видят зачатки фонологии.

В отличие от греко-римской и арабской лингвистических традиций, в средневековой европейской, в том числе церковнославянской, книжности первенствовало внимание к письму и букве, а не к устной речи и звуку. Христианство, которое, подобно иудаизму, сложилось как «религия Писания», вобрало в себя мистические позднеиудейские и позднейшие языческие учения, создававшие культ буквы (преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн; поиски сокровенного смыс-

ла в отдельных буквах алфавита; буквы как первоэлементы, из которых сотворен мир; буквы как субстанция мистического тела Истины и т. п.³). В филологической практике «греко-славянского» мира многое определила также философия исихазма, утверждавшая единство слова и сущности. С исихазмом, в частности, связана такая черта Тырновской школы, как обостренное, «фанатическое» (по оценке И. В. Ягича), внимание к начертательной (почерковой, графико-орфографической, изобразительной) стороне текста.

В силу единства филологической традиции ареала *Slavia Orthodoxa* до XVIII века в восточнославянской грамматической литературе в главном сохраняется тырновско-ресавское понимание текста. В звучащей речи еще не виделся самостоятельный, независимый от письма лингвистический объект, притом более сложный и разнообразный, чем письмо; напротив, по старинным воззрениям, письмо главенствует, а звучание, произнесение только следует написанному. Б. А. Успенский, характеризуя архаическое церковнославянское произношение (актуальное до раскола и сохранившееся у старообрядцев), писал: «Общий принцип данной системы произношения состоит в том, чтобы как можно ближе следовать в произношении тем различиям, которые представлены в письменном тексте»⁴.

В восточнославянских фонетико-орфографических статьях и разделах грамматик XVI—XVII веков орфографическая точка зрения господствует; фонетика освещается сквозь призму графики и орфографии. Иногда фонетическое содержание вообще ускользает от внимания (не смотря на фонетическую терминологию). Таково понятие о «дифтонге» в грамматике Лаврентия Зизания⁵. Относя к «дифтонгам» *Ѹ, ѹ, Ѻ, ѻ, Ѽ*, он по сути дела имеет в виду двуэлементность начертания диграфов (*Ѹ < ѸѸ*). Фонетически же *Ѹ, ѹ, Ѻ, ѻ, Ѽ* невозможно трактовать как однородную группу сложных звуков («дифтонгов»): если *Ѻ* и *ѻ* действительно передают по два звука, то *Ѹ* и *ѹ* обозначают нейотированные гласные. В грамматике Мелетия Смотрицкого такие понятия, как «естество писмен», «ударяние гласа», «препинание словес», определяются прежде всего как явления письма, начертания и, следовательно, забота орфографии; фонетические характеристики появляются во вторую очередь.

Из фонетических явлений замечались главным образом те, которые отражались на письме! Более того, если традиция сохраняла лишние для церковнославянской фонетики знаки письма, то им приписывалось определенное фонетическое или иное содержание (ср. мнимые фонетические различия диакритических знаков в церковнославянском письме). Нередко фонетические и графико-орфографические явления смешивались. Например, Смотрицкий, когда утверждал, что буква *Ѻ* первоначально обозначала сочетание звуков *іѸ*, несомненно исходил из аналогии со строением буквы. Те причудливые характеристики, которые получают «писмяны» в старинных рукописных трактатах (*а глас знаменит и прост, Ѻ внятелен, е скуден, Ѣ гибок, ѹ широк и плоск, ѻ гладок и логоват, Ѽ гугнив и произволен, Ѣ сокращен и опровержен* и т. п.⁶), возникали из ассоциаций, связанных не только с акустикой звуков, но и с рисунком букв. В рукописной статье без заглавия (начало «Сие учение буквицы в кратце»⁷) даны артикуляционные характеристики всех «писмян» по алфавиту, порой поразительно тонкие и детальные для XVII века. Ср.: «Б. Сие слово обема устнама ударить с дыханием; <...> К. Како ясноглаголивое слово, гортани раздвиг, язык свободен, ни к чему в гортани неточен; <...> Р. Рцы кортаво, но якобы языка загнутием конца в небо гортани ударити» и т. д. Однако остается не ясным, что, собственно, описывает статья: во многих случаях (а, может быть, и во всех) статья характеризует не сами звуки, а звуковой облик кириллических названий соответствующих букв. Ср.: «Е. Есть сипаво с притупа» (*сипаво* и *с притупа* явно относится к звукам *с* и *т*); «Н. Наш шепетливым подобен, наконец умягчити, яко бы языком и зубем приклад; О. Он гугнивое слово, сначала раздвиг мягким гугнианием, легким отдыханием» и т. д. Можно

думать, что сам автор статьи еще не вполне различал разные грани своего объекта — букву, звук, имя буквы, звучание имени. Таковы плоды многовекового внимания исключительно к внешней, начертательной стороне письма.

Первые фонетические классификации в восточнославянской литературе восходят к системе Дионисия Фракийца (конец II в. до н. э.), построенной с учетом следующих признаков: гласность-согласность; долгота-краткость гласных; большая-меньшая звучность согласных; глухость-звонкость-придыхательность⁸. Эта совершенная классификация (кстати, целиком принятая в современных учебниках древнегреческого языка) становится известной восточнославянским книжникам в XVI веке отчасти по статьям Максима Грека, отчасти из других источников.

О том, насколько трудным делом были классификации звуков, можно судить по встречающимся в памятниках сравнениям, аналогиям. Книжники стремились образно изложить начала классификации, связать их с привычными представлениями человека. Повторяются антропоморфические сравнения Константина Костенцкого гласных с женщинами, согласных с мужчинами. В «Лаодикийском послании» гласные сравниваются с душой, согласные — с плотью, их соединение в слоге — с жизнью, единством души и тела. Это сравнение с душой и телом читается и в других памятниках, в том числе в грамматике Зизания (л. 60^б). Нередко взаимоотношения гласных и согласных трактуются иерархически. В статьях, связанных с сочинением Константина Костенцкого, согласные названы «господствующими», а гласные не в начале слова — «покорительными». В других памятниках гласные главенствуют, потому что самостоятельны: «звательство притягает, а полужвательство повинуется»⁹.

Наиболее интересная в рассматриваемой традиции и вполне самобытная классификация звуков содержится в цитированном выше трактате XVII века «Написание... о грамоте». Все гласные здесь сгруппированы в шесть «статей» и охарактеризованы: 1) *а знаменит и прост, а незнаменателен, ѿ вятелен*; 2) *е скуден, ѣ гибок, є доволен*; 3) *и узок, ы широк, і плоск*; 4) *о остр, ѡ гладок и логоват, ѡ^т затинчив*; 5) *у пространен, оу доволен, ю крепок, ѳ гугнив и произволен, в неуставен*; 6) *ь толст и краток, ь тонок и краток, ѱ сокращен и опровержен*. Ценно то, что классификация идет дальше группирования аллографов и находит собственно фонетические связи гласных: таковы объединения *е* и *ѣ*; *и*, *і* и *ы*; *ь*, *ь* и *й*. Сами классы расположены по алфавиту, их взаимоотношения остались не выявлены. Прослеживается определенная закономерность в однословных характеристиках передних и непредних гласных (1. *і плоск, е скуден, ь тонок*; 2. *ы широк, у пространен, оу доволен, ь толст*). Эти пространственные определения напоминают так называемые «фонетические значения» (см. работы В. В. Левицкого, А. П. Журавлева и др.), т. е. синестезические ассоциации, скорее всего общечеловеческие, которые возникают у говорящих при произнесении разных звуков. Ср.: «...противопоставление бемольных и простых [ц] — [т] или [у] — [і] производит скорее ощущение глубины, ширины, веса и грубоватости по сравнению с тонкостью, высотой, легкостью и пронзительностью»¹⁰.

В кругу согласных «Написание... о грамоте» выделяет 16 *сходительных писмян*, которые «нуждою, недостатка ради язычнаго, сходятся» между собой: «сходятся буки с покоем, веде с фертом да с фитою, глаголь с хером» и т. д. Всего указано 7 оппозиций: *б-п*; *в-ф*, *ѳ*; *г-х*; *д-т*; *ж-ш*; *з, с-с*; *ц-ч*. Их первые члены названы *чистыми*, вторые *тусклыми*. Очевидно, что разделение выросло из орфографических наблюдений и служило орфографии: автор предостерегает смешивать «чистые» и «тусклые» буквы. Замечательно при этом, что автор видит разные типы «схождений» букв, и дублетность кириллических *ф-ѳ* и *з-с* не мешает классификации по глухости-звонкости. О «чистых» *з-с* и «тусклых» *ф-ѳ* сказано, что они сходятся «неразвратно».

Весь контекст, в котором появляется это разделение «сходительных» согласных, сугубо орфографическая озабоченность автора и, главное, само содержание рассматриваемой классификации говорят о ее самобытности. Бинарная оппозиция 14 «чистых-тусклых» «Написания... о грамоте» независима от тернарного и релевантного для 9 фонем различения глухих-звонких-придыхательных у Дионисия Фракийца. Д. Ворт, указав, что противопоставление в статье **ц** и **ч** в качестве звонкого и глухого перестает казаться странным, если иметь в виду сербскохорватское **Ц** [dʒ], допускает связь «Написания» с какими-то сербскими источниками¹¹.

Открытие оппозиции согласных по глухости-звонкости — это самый значительный фонетический результат в восточнославянской традиции XVI—XVII веков. Однако он остался неизвестен печатным грамматикам и был забыт. В отечественной науке оппозицию глухих и звонких вновь открыл В. Е. Адодуров в рукописной грамматике 1738—40 годов (в его терминах «жесткие-умягченные»)¹². В тиражированном сочинении эта оппозиция (обозначенная терминами «твердые-мягкие») появляется в «Разговоре... об орфографии...» В. К. Третьяковского (Спб., 1748).

Помимо основного разделения согласных на «чистые-тусклые», «Написание» выделяет 9 подгрупп согласных на основании признаков, отражающих все те же общечеловеческие впечатления от акустико-артикуляционных качеств звуков и более или менее удачно названных. Это такие группы: 1) **б, п глас грубы**; 2) **в, ф, θ свиблывы**; 3) **г, х тяжкы, натужны и гугнивы**; 4) **д, т проты, легкы и громны**; 5) **ж, ш шепетливый**; 6) **с, з, с, љ, џ сипавы**; 7) **ц, ч, щ ясны**; 8) **к, р кортавы**; 9) **л, м, н немь**. Д. Ворт заметил, что характеристики задних гласных и периферийных (велярных и губных) согласных оказались сходными, близкими по смыслу и что, стало быть, неизвестный книжник XVII века интуитивно чувствовал близость этих звуков — ту близость, которую три века спустя открыл Р. Якобсон в оппозиции «низких» (grave) **b p v f, g k x; u o** и «высоких» (acute) **d t z s, c ĉ š; i e**¹³. Перед нами еще одно подтверждение, притом безупречное и яркое, генетической связи фундаментальных принципов лингвистики с речевой практикой говорящих.

Что касается грамматик Зизания и Смотрицкого, то их классификации «писмен» носят в значительной мере нефонетический характер, а с другой стороны, далеко не в полной мере репрезентируют фонетические достижения авторов (орфографические «каноны» Зизания, «увещения» и правила Смотрицкого в фонетическом отношении более содержательны, чем классификации).

В целом первые восточнославянские фонетические классификации прочно ввели в традицию противопоставление гласных и согласных; далее, была открыта центральная оппозиция славянского консонантизма — глухих и звонких. К XVI—XVII векам относятся первые попытки акустико-артикуляционных характеристик отдельных звуков. Однако глубина фонетических классификаций не превышала трех ступеней. Зависимость от византийских схем вносила в описание славянских звуков отдельные нерелевантные или малосодержательные оппозиции. Общая методологическая незрелость языкознания XVI—XVII веков сказывалась в нерасчлененности или смешении в фонетических классификациях равноуровневых сущностей — явлений фонетики, с одной стороны, и графики-орфографии, морфонологии, метрики — с другой. Однако результаты фонетических наблюдений в восточнославянской традиции этого периода не сводились к одним классификациям звуков.

Внимание к ареальным и диахроническим различиям в фонетико-орфографических руководствах опиралось на давние традиции славянской филологической мысли, восходящие еще к апологии «О писменех» черноризца Храбра. Внимание старинных книжников к межъязыковым различиям в письме (и через письмо к звуковым различиям) отнюдь не противоречило их лингвистическому универсализму. Универсальное в

языках виделось во всеобщности восьми частей речи и их акциденций; оболочки же языков — слова и буквы — это область различий.

Межъязыковые и диахронические звуковые различия отмечались прежде всего в тех случаях, когда они так или иначе отражались на письме — в дублетности, редкости или архаичности некоторых букв. Например, в грамматике Зизания и в рукописном своде «Сила существу книжнаго писма» отмечается необычность «юса большого»: «Сего обыкшоа употребляти людие сербстии и волохове вместо ѹ и ю» (л. 90^{об.}). Смотрицкий считает ꙗ архаизмом. В рукописи «Ин превод» пронциательно указано на «гугнивый» характер звука, обозначавшегося «юсом», и на то, что он введен в азбуку «ради поляц»¹⁴. Несмотря на смешение временных срезов, это замечательное сопоставление, опередившее свое время на два века. Как известно, назальность старославянских звуков, обозначавшихся «юсами», и их коррелятивность польским носовым были открыты А. Х. Востоковым в 1820 г.

В статье «Ин превод» звуковые и буквенные различия славянских языков не только констатируются, но и объясняются. Причины разнообразия совершенно здраво видятся в территориальной удаленности племен и народов: «Чесо ради мнози буквы во азбуце словенстии, не како во иных писменех? Ответ. Понеже мнози уседцы языка того, по коемуждо усед и буквы изложены». Затем статья подразделяет славянские буквы на группы в зависимости от того, особенностям каких языков они соответствуют. Механистичность этих подразделений (и, разумеется, их несопоставимость с выводами сравнительно-исторической фонетики) уживается с диалектическим пониманием того, чем для человека оборачивается сходство-несходство близкородственных языков (*и разумеють все, да не явствено*), с представлениями о постоянных изменениях в языке. Отмечаются и изменения названий букв, появление новых букв, ареальные звуковые особенности. Например, автор знал, что славянскому названию буквы «фита» в греческом соответствует «хтита» (ср. в этой связи сведения о том, что «фиту» в Юго-Западной Руси в литургическом произношении читали как **фт**, т. е. с посильным приближением к греческому произношению¹⁵). Автор заметил и то, что в греческом согласные не различаются по мягкости-твердости — именно в этом смысл замечания «а ерь несть во грецех, все ером глаголють» в «Ин превод».

К статье «Ин превод» в двух списках примыкает фрагмент «Повесть собравшаго сия буквы», в котором содержится генеалогическая группировка славянских языков и диалектов, поразительная по точности для XVI века. По теме «Повесть» продолжает «Ин превод», где речь шла о звуковых различиях между греческим и славянским, а также о различиях внутри славянских языков и о причинах различий. «Повесть» выделяет три группы славянских языков, внутри которых диалектные различия не очень сильны (*не до зела*): «Русиа, в неиж порознилися не многим Москва, Понизкое, Вятчане, Перьмичи, Белоозеряне, великии Новгород, Псков севера, Литовская Русь, Подолия, Вольня. А другая часть словен Сербьы, Болгары, Волоси. А третяя часть Чехове, Гусарове, Мозовляне, Подгоряне, Подоляне, Меделяне и инии мнози во всех частех, иже зело мало порознилися»¹⁶. Судя по подробности перечня великорусских и именно северных земель, «Повесть» составлена в Московской Руси: не случайно один из ее списков принадлежал Соловецкому монастырю. Заметно также, что автор больше слышан о польских диалектах, нежели о южнославянских. Объединение «волохов» (т. е. романского населения Балканского полуострова) с сербами и болгарями соответствует единству культового языка этих народов — церковнославянского. Не ясно, как понимал автор взаимоотношение названий *Подолия* и *Подоляне*. По-видимому, имеется в виду одна историческая область в бассейне Южного Буга и левобережья Днестра — Подольская земля, территориально разделенная между Литовским княжеством и Польшей.

Сам по себе список славянских языков и диалектов в «Повести со-

бравшаго сия буквы» не так подробен, как, например, в «Повести временных лет» или в «Митридите» Конрада Геснера (Цюрих, 1555). «Повесть собравшаго сия буквы» замечательна не длиной перечня славянских племен, а тем, что здесь впервые в Европе указаны три генеалогические группы славянских языков.

И. В. Ягич в «Истории славянской филологии» показывает, как в разных странах Европы в XVI—XVIII веках ученые, дипломаты, миссионеры пытались определить родственные взаимоотношения славянских языков. До работ Добровского и Востокова генеалогические связи славянских языков оставались неясными. Они различают две группы: 1) южно- и восточнославянская и 2) западнославянская (если употреблять современную номенклатуру; у Востокова — восточнославянская и западнославянская группы). Различение трех групп (также еще в другой терминологии) появляется в лекционных славистических курсах И. И. Срезневского (Харьков, 1842; Петербург 1847)¹⁷.

Таким образом, разделение славян на три языковые группы, о котором восточнославянские книжники догадывались в XVI веке, стало общепринятым спустя по меньшей мере два века. Разумеется, сведения старинных источников о «коленах» и «уседцах» славянского племени — это еще не наука в строгом смысле и не открытие фонетических соответствий. Однако не случайно пассажи о родстве и расхождении языков читаются в тех фонетико-орфографических статьях, которые содержат первые ареальные и диахронические сопоставления звуков.

В целом в XVI—XVII веках в восточнославянской традиции фонетика еще не сформировалась как полноправный раздел описания языка (в отличие от морфологии и — в меньшей мере — орфографии). Грамматисты еще только учились наблюдать фонетические явления, отделять их от фактов графики-орфографии, морфологии, лексики; учились подбирать слова для характеристики фонетических явлений. Важно подчеркнуть, однако, не только незрелость, несформированность фонетического знания, но и его молодость, перспективность. В отличие от надуманных тонкостей орфографии, в фонетике было сильным наблюдательное, опытное начало. Уже в XVI—XVII веках это привело к отдельным результатам, которые были приняты наукой нового времени.

¹ Античные теории языка и стиля.— М.— Л., 1936, с. 39.

² История лингвистических учений: Средневековый Восток.— Л., 1981, с. 82—84.

³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы.— М., 1977, с. 201—207.

⁴ Успенский Б. А. Одна архаическая система церковнославянского произношения: Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев.— ВЯ, 1967, № 6, с. 63—64.

⁵ Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска.— Вильна, 1596, л. 8 об. В последующих ссылках листы памятника указаны в тексте в скобках. Цитаты всех источников переданы средствами современной русской графики; ер на конце слова не пишется.

⁶ Написание языком словенским о грамоте и о ея строении... Изд. И. В. Ягича в кн.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.— Исследования по русскому языку, т. I.— СПб., 1885—1895, с. 655.

⁷ Памятник издан И. В. Ягичем в «Рассуждениях...», с. 1007—1009.

⁸ Античные теории языка и стиля.— М.— Л., 1936, с. 106—107.

⁹ Написание языком словенским...— В кн.: Ягич И. В. Рассуждения..., с. 667.

¹⁰ Якобсон П., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 2.— М., 1962, с. 197.

¹¹ Worth D. S. The Origins of Russian Grammar: Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars.— Columbus, 1983, p. 38.

¹² См. издание памятника в кн.: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке.— М., 1975, с. 98.

¹³ Worth D. S. Ibidem, p. 39.

¹⁴ Ин перевод.— В кн.: Ягич И. В. Рассуждения..., с. 696.

¹⁵ Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен.— М., 1969, с. 250—252.

¹⁶ Повесть собравшаго сия буквы.— В кн.: Ягич И. В. Рассуждения..., с. 699.

¹⁷ Ягич И. В. История славянской филологии.— СПб., 1910, с. 466—469.